

«...не верьте официальным сообщениям, сплошная ложь, даже неприкрытая получше»: письмо Е. А. Сергеевой (Танской) о событиях 9 января 1905 г. в г. Верхнеудинск

Н. Е. Жукова, Т. В. Паликова

Представленная статья посвящена анализу письма Екатерины Александровны Сергеевой (в замужестве Танской), студентки высших женских (Бестужевских) курсов, о событиях начала первой русской революции 1905–1907 гг. Для Екатерины расстрел демонстрации утром 9 января 1905 г., как и все произошедшее после, стало большим эмоциональным потрясением, о чем она написала родным и друзьям в родной город Верхнеудинск. Екатерина хотела донести, в противовес официальной версии, точную картину народного шествия к царю и последующих за ним событий.

Авторы посчитали, что письмо нуждается в верификации и подтверждении отражения разнообразных настроений, что невозможно без сопоставления с иными источниками личного происхождения. Письмо Екатерины демонстрирует, как события государственного масштаба становились обстоятельствами, проникающими в частную жизнь и способными кардинально ее изменить. Данный исторический документ – одно из немногих свидетельств о начале революционных событий, адресант которого человек, выросший на восточной окраине империи, что придает письму определенное своеобразие. Немаловажной характеристикой письма является его женское авторство, которое обуславливает эмоциональность и глубину изложения и дает некоторое представление об отношении населения империи к политическим процессам начала XX в.

Ключевые слова: история повседневности, источники личного происхождения, письма, дневники, Санкт-Петербург, Верхнеудинск, Екатерина Александровна Сергеева.

Для цитирования: Жукова Н. Е., Паликова Т. В. «...не верьте официальным сообщениям, сплошная ложь, даже неприкрытая получше»: письмо Е. А. Сергеевой (Танской) о событиях 9 января 1905 г. в г. Верхнеудинск // История повседневности. – 2023. – № 1. – С. 26–39. DOI 10.35231/25422375_2023_1_26

Введение

События 9 января 1905 г., вошедшие в историю как «кровавое воскресенье», стали одним из ключевых событий первой русской революции. Расстрел мирного, безоружного шествия рабочих к Зимнему дворцу в стране, где не было граждан, а были только подданные, не оставил монархии и шанса на реформы.

Анализируя причины, ход и последствия «кровавого воскресенья», исследователи, как правило, отдают предпочтение свидетельствам людей, которые сыграли ту или иную роль в произошедшем. Но масштабная политическая трагедия отозвалась в сердцах жителей всей империи, которые писали о ней в письмах родственникам и друзьям, оставляли дневниковые записи, воспоминания. Однако голоса «простых» очевидцев событий, особенно женские, не слышны до сих пор. Без этих голосов картина начала первой российской революции не является полной и релевантной. Подобное свидетельство времени оставила Екатерина Александровна Сергеева (в замужестве Танская), написав письмо родным и друзьям в г. Верхнеудинск (Забайкальская область до 1918 г.), в котором она описывает перипетии тех исторических дней.

Биография автора письма для Российской империи была нетипичной. Екатерина родилась в г. Чите, в семье офицера Санкт-Петербургского Нешлотского полка, сосланного по одной версии за выступление против своего командира, по другой – за дуэль. В отличие от многих своих сверстниц она имела возможность получить хорошее образование. После завершения третьего класса прогимназии в Верхнеудинске, куда семья переехала в 1880-х гг., Екатерина окончила Троицкосавскую женскую гимназию (г. Троицкосавск, Забайкальская область), обучаясь в которой, она жила отдельно от семьи. Затем поступила в Верхнеудинское трехклассное приходское училище на должность учительницы, где проработала около двух лет.

Работая в приходском училище, Екатерина Сергеева не оставляла мысли продолжить свое образование в столице Российской империи, где у нее проживали многочисленные родственники. Она приехала в Петербург девятнадцатилетней девушкой летом 1904 г., за полгода до начала

революционных событий, для обучения на высших женских (Бестужевских) курсах. Следовательно, перед нами молодая провинциальная девушка с некоторым образовательным багажом, опытом и навыками самостоятельной жизни и мышления.

Для отечественной историографической традиции тематика анализа женщинами революционных процессов начала XX в. не нова. Советские историки по сложившейся традиции говорили о некоей «решенности женского вопроса» в ходе Октябрьской революции [1]. Представители данного научного направления оставляли за этой теоретической рамкой разнообразные проблемы женского понимания и участия в общественно-политических процессах начала 1900-х гг. Историография советского периода активнее работала с биографиями женщин-большевиц [2], уделяя вниманием женщин других политических пристрастий и тем более «наблюдательниц» исторического процесса.

Первые конкретно-исторические исследования об участии женщин в маевках, забастовках начала XX в. появились в период «застоя» 1970-х гг. [3] «Перестроечная» эпоха способствовала изучению участия женщин в политических процессах вообще и в революционном движении в частности. На рубеже 1980–1990-х гг. опубликованы научные труды об участии в забастовках не только работниц, но и представительниц средних социальных слоев: продавщиц, преподавательниц и учениц школ и гимназий [4; 5].

Безусловно, одним из самых заметных явлений в постсоветской «женской» историографии стали работы О. А. Хасбулатовой [6], в которых автор показала работу женских организаций в России во второй половине XIX – начале XX в. Деятельность большинства женских организаций была направлена на установление равных с мужчинами гражданских и политических прав.

На рубеже XX–XXI вв. исследования женского политического участия смещаются в сторону всевозможных традиционных представлений о женском. Например, О. В. Будницкий усматривал в женском терроризме религиозные основания [7]. Другие исследователи обращали внимание на женскую благотворительность [8; 9], показав ее историческое значение

для развития гражданского самосознания. В этом контексте нельзя не отметить работу Н. Л. Пушкаревой [10], в которой характеризуется развитие исторических знаний о женском политическом участии в революционных процессах начала XX в.

Региональных историков также интересовала судьба единственной женщины-большевички, видной партийной деятельницы Бурятия 1920-х гг. Марии Михайловны Сахьяновой. Ее, в том числе и дореволюционная политическая биография, освещена в работах А. А. Бартановой [11], Б. Б. Батуева [12], Л. В. Кураса [13], где рассмотрены различные периоды ее деятельности. Однако в целом проблематика отношения женщин к революционным процессам начала XX в., в силу определенной источниковой скудности, не стала популярной среди представителей региональной исторической науки.

Исследование основано на принципах исторической науки, среди которых определяющую роль играет принцип историзма. Среди применяемых методов исследования большая роль отведена текстологическому анализу письма Е. А. Сергеевой (Танской), позволившему атрибутировать текст и выделить ряд макро- и микроконтекстов. Применение сравнительно-исторического метода помогло поместить письма в исторический контекст, соотнести их с историческими событиями. При помощи микроисторического метода осуществлялось многостороннее рассмотрение объекта изучения, выявление этапов его внутренней эволюции.

Письмо Екатерины Сергеевой посвящено в большей своей части изложению событий начала первой российской революции. Нами была проведена атрибуция источника, в результате которой было подтверждено авторство, установлено, что местом написания письма стал Санкт-Петербург. Относительно датировки письма мы предполагаем, что оно написано не ранее второй половины января 1905 г. Для того чтобы показать отражаемость в письме неких социальных настроений и верифицировать изложение, был привлечен ряд иных источников личного происхождения. Искусственно отбирать источники по гендерному основанию представляется менее результативным, сужающим информационные возможности документа.

Общая тональность письма отражает эмоциональное состояние адресанта, ее лихорадочную торопливость, выраженную в частых сокращениях, недописанных или написанных с орфографическими ошибками окончаниями слов, часто в отсутствии пунктуации, что в предшествующих и последующих письмах почти не встречается, и лучше всего отражает ее отношение к происходящему, свидетельствует о ее желании как можно полнее описать события, ничего не забыть и не упустить.

Предваряя изложение, необходимо отметить еще одну важную деталь. Смеем утверждать, что Екатерина являлась свидетельницей не всех событий, описываемых в письме, что подтверждается, например, «географией» повествования. Однако ее вовлеченность в события и природное любопытство позволили «увидеть» и передать многостороннюю картину произошедшего.

Результаты

Екатерина начинает письмо с эмоционального обращения к родным: «Милые мои и дорогие, скоро, видимо, опять придется увидеться». Уже в первой строчке письма сделан акцент на личностном отношении к государственным, политическим событиям: Екатерина связывает грядущие изменения своей частной жизни с произошедшими событиями, она выражает надежду на то, что ее семья и друзья в курсе, но предостерегает их не верить «официальным сообщениям, сплошная ложь, даже неприкрытая получше» [14, л. 240]. В противоположность официальной версии Екатерина пытается донести до родных и друзей, как ей кажется, точную картину народного шествия к Зимнему дворцу и событий вокруг него.

Эмоциональный характер женских описаний, от восторга до трагических переживаний, придает источникам личного происхождения известное своеобразие. «Завтра в Петербурге стотысячная рабочая толпа несет ко дворцу петицию. Что будет? Чем им ответят? Выстрелами? Захотят ли войска? Вопросы и вопросы», – писала в дневнике 8 января уже эмигрантка А. В. Тыркова [15, с. 67].

Изложение событий Екатериной начинается с «предисловия» о том, что происходило в Петербурге накануне. «В три

дня забастовали все заводы, типографии, телефонная, электрическая станции, товарные железнодорожные станции и т.д. ...» «8-го вечер[ом] депутация из лиц, имена которых: профессор Гессен [И. В. Гессен], Кареев [Н. И. Кареев], Анековский [Н. Ф. Анненский], литераторы Пешехонов [А. В. Пешехонов] и Горький [А. М. Горький], гласный думы Кедров [Е. И. Кедрин] и еще некоторые отправились к Святополк-Мирскому...» [П. Д. Святополк-Мирский], «... и просили, чтоб те передали государю, что народ просит выйти его завтра к ним и что рабочие своею и жизнью семей ручаются за его жизнь». Екатерина не пишет о том, что обращавшиеся не достигли успеха, но отмечает: «...были выпущены аншлаги¹, в котором[ых] писалось, что скопление народа строго воспрещается законом и что против них будет употреблена вооруженная сила» [14, л. 240].

Смысловым центром письма стало непосредственно само «кровавое воскресенье», которое произвело на Екатерину большое впечатление. С утра 9 января рабочие направились к Зимнему дворцу, «шли с иконами, портретами государя, хоругвями, шли стройно, тихо, безоружно. Не было перочинных ножей, не только что ружей или револьверов. Но им не дали дойти до площади. Взводы или батальоны (я не знаю, как называется) встретили их дружными залпами. Народ валился стенами» [14, л. 240].

Не менее эмоциональную запись об этом дне оставила мемуаристка А. В. Богданович: «Господи! В эту минуту в Петербурге творится ужасное: войска – с одной стороны, рабочие – с другой, точно два неприятельских лагеря. На Троицком мосту кавалерия, конногвардия и кавалергарды преградили им путь (рабочих было более 20 тыс. человек), дали залп, отбили несколько хоругвей, но поп ускользнул. Много было раненых и убитых...» [16, с. 330]. На автора произвело впечатление противостояние демонстрантов и войск, что и вызвало такую яркую реакцию.

Продолжая письмо в Верхнеудинск, Екатерина слегка картинно описывает происходившее дальше: «женщины плакали, закрывая собою своих детей, и, пораженные пулями, падали на них же. Молодые рабочие, подхватив на руки девушек

¹ Средства наглядной агитации.

и старых, бежали, перепрыгивали с мостов на лед, падали и тут же, разбитые в дребезги, умирали. Портреты и иконы, прострелянные валялись на земле и растаптывались ногами лошадей. Стон, плач, крики и пальба целый день висели над Петербургом» [14, л. 241].

При описании событий Екатерина не изображала вышедших как безвольных жертв действий правительственных войск. Насилие породило ответное насилие. «Достать оружие надо было, во что бы то ни стало», – писала Екатерина родным. И хотя «был разграблен магазин Шаффа», «перестрелка шла по всему Петербургу» [14, л. 241], – отмечала она. «Самыя кровопролитныя стачки были у Нарвской заставы, на Васильевском острове и на площади Зимнего дворца. На 4-й линии нашего острова были устроены баррикады, 1-я баррикады России. Окна дворцов, в особенности во дворцах Сер. Ал. [Сергей Александрович, великий князь], были все перебиты, масса военных были избиты[а], генерала толпа, растерзав, бросила в Фонтанку» [14, л. 241], – продолжает подробное описание Екатерина. «Сегодня [10 января] волнения на улицах продолжаются. На Васильевском острове, Петербургской и Выборгской сторонах народ идет массами, разбито много магазинов и проч.» [16, с. 329], – «подтвердила» Богданович на следующий день.

Гораздо менее экспрессивной представляется дневниковая запись главного управляющего Невской бумагопрядильной фабрикой К. И. Монкера. «Все спокойно по соседству. Весь народ отправился в город, чтобы присоединиться к великой рабочей демонстрации Гапона и отправиться процессией к Зимнему дворцу. Войска стреляли в народ, и многие были убиты и ранены» [17, с. 62] – это просто констатация. Таким образом, сопоставление письма Е. А. Сергеевой с другими источниками личного происхождения дает основание утверждать, что сведения, сообщенные ей о шествии 9 января родным, являются, с одной стороны, аналогичными тому, о чем говорилось в городе. С другой стороны, попытка Екатерины передать трагизм разворачивающейся на ее глазах революции делает источник более художественным и объемным.

Затем Екатерина предпринимает попытку расширить свое повествование, сначала хронологически. Вот как она описы-

вает последующие события: «10-го рабочие ходили по улицам, электрические станции не работали, на улицах поэтому была темнота, все окна магазинов были забиты; патрули все время сталкивались с рабочими, ... перестрелка шла по всему Петербургу. Убитыми и ранеными не было числа...» [14, л. 241]. Сергеевой в своем дневнике «вторит» Монкер: «Беспорядки происходили в городе сегодня вечером и продолжались всю ночь. В 6 час. вечера толпа остановила электрические станции и улицы были погружены в темноту до 9 час. вечера» [17, с. 62].

Интересна оценка Сергеевой деятельности священника Гапона, в образ которого она буквально влюблена и с нескрываемым восхищением описывает дальнейшие его действия, в связи с тем, что на Гапона была «учинена самая настоящая облава», ... «ему пришлось снять одежду священника». Екатерина последовательно рисует романтический образ революционера. «Это замечательный человек. Я пошлю вам его фотографию. Смелое энергичное лицо, правда, глаза его горят каким-то фанатическим огнем, но впечатление получается невыразимо хорошее» [14, л. 241].

В биографии Гапона есть и слежка, и переодевание, и укрытельство на квартире литератора Ф. Д. Батюшкова. Подробности, приведенные Екатериной в письме, в очередной раз свидетельствуют и о ее осведомленности, и о желании понять и «увидеть» происходящее в столице.

Другие «свидетельницы» событий по-разному характеризуют личность Гапона, и если Богданович с сожалением восклицала: «Какое это у нас правительство, что не арестовало этого нахала, сколько жертв еще у нас будет из-за этого анархиста в рясе!» [16, с. 330], то Тыркова-Вильямс в феврале 1905 г. писала: «Гапон, несомненно, был в Париже. И вожаки, вероятно, его видели. Я читаю это в их глазах и там же вижу, что и они поверили в его силу. ... Как хочется мне видеть его» [15, с. 68].

Понимая, что информация из столиц поступает в Верхнеудинск медленно и не полностью, Екатерина старается расширить представления своих родных о январских событиях 1905 г. О географии революционного движения она писала: «В Варшаве до сих пор льется кровь. Мне рассказывал подробности очевидец, это настоящая война. В Саратове забастовала даже часть полиции, и полицмейстер с надзирателями подал

в отставку. ... В Риге убито до 400 человек. Сегодня слышала, что в Томске на Сибир[ской] жел[езной] дор[оге] тоже забастовка» [14, л. 242].

Необходимо отметить верную оценку общероссийского масштаба революции, данную Екатериной в своем письме, подчеркнув при этом ее ориентированность на слухи и мнения неких очевидцев. Однако в условиях нарушенных коммуникаций слухи зачастую становились единственным источником информации.

Во второй половине письма повествование Екатерины приобретало все более личный характер. Революция вызвала подъем демократических настроений в университетской среде, и Сергеева, слушательница Бестужевских высших женских курсов, не могла не отразить это в описании событий. Девушка сообщала, что «многие профессора на банкете выразили», что сейчас не время заниматься: «1) без достижения академической свободы; 2) до тех пор, пока личность профессора и студента не будет свободна; 3) пока полицейская власть не будет вторгаться во внутреннюю жизнь, т. е. при существующем строе заниматься нельзя» [14, л. 242]. Однако героиня не предпринимала попыток выразить свое отношение к «банкетной» кампании и требованиям профессуры.

Даже описывая «свою» сферу жизни, Екатерина постоянно пыталась выйти за рамки личной повседневности. «Горный» [институт] закрыт до осени профессорами, Политехнический [институт] то же самое. Институт гражданских инженеров и военно-медицинская академия закрыты студентами. В техническом сегодня сходка, после чего закроют» [14, л. 243]. Здесь Екатерина демонстрирует собственную позицию и говорит о необходимости солидаризироваться с забастовавшими учебными заведениями. «... учиться все равно нет сил, да и нельзя учиться одним нам, когда все учебные заведения закрыты. Сейчас узнала, что путейцы тоже забастовали...» [14, л. 243].

Завершая описание январских событий 1905 г., Екатерина просила маму не беспокоиться о ней, потому что она «здорова и благополучна», хотя «теперь не за что нельзя ручаться». Далее она рассказала о случившемся с артисткой императорских театров Кузой Ефросиньей [Валентиной] Ивановной. Последняя была выслана из Петербурга за то, что, повстречав-

шись с «полками, возвращавшимися после бойни с Невского, и увидя знакомых офицеров кричала им "поздравляю вас, герои, с блестящей победой!"». Подтверждение рассказу Екатерины можно найти у А. В. Амфитеатрова, который указывал, что «...в сердечном порыве поступила Валентина Ивановна Куза в роковой день 9-го января, за что и уволена личным его величества приказом от службы в императорских театрах» [18, с. 41].

Существовавшая в силу объективных экономико-географических причин разорванность информационного поля в стране тревожила Екатерину. В письме она задает вопрос родным и друзьям: «Меня страшно интересует [как] реагирует Сибирь на эти события?» В нашем распоряжении нет документов, которые можно однозначно интерпретировать как ответ Екатерине, но в одном из своих писем ее будущий муж М. В. Танский сообщал своей невесте: «К счастью, у нас здесь спокойно. Мы, как зрители, любуемся издали за тем, что происходит... любуемся с захватывающим интересом и большим сочувствием к разыгрывающейся трагедии, но дальше этого не идем... камня не положим для будущего великого». И продолжал: «Жизнь даже опомниться не дает, так как каждый день несет свои нужды, свое кропотливое дело... Где уж тут революцию делать! ...» [19, л. 27].

В завершении своего «обзора» событий января 1905 г. Екатерина Сергеева эмоционально утверждала: «Пусть что бы ни было и что бы ни говорили, но это начало революции. За границей Николая называют «Николаем последним!» Это было эффектным резюме Екатерины, ее попыткой, не лишенной известной объективности, подвести итог сказанному и перейти к изложению частных вопросов, накопившихся несмотря на происходящие исторические события. Поскольку нашей целью является изучение начала революции 1905–1907 гг. глазами одной из жительниц Петербурга, то описание ее частной жизни здесь будет уместно опустить.

Обсуждение и выводы

Перед нами письмо, посвященное описанию случившегося 9 января 1905 г. расстрела мирной рабочей демонстрации и начала первой русской революции 1905–1907 гг., написанное

молодой сибирской девушкой, которая волею судеб оказалась в центре исторических событий. Значение данного источника в региональном контексте видится в следующем. Во-первых, это единственное из известных нам свидетельств о «кровавом воскресеньи», оставленное жителем Верхнеудинска, города, расположенного на восточной окраине империи, что придает документу определенное своеобразие.

Во-вторых, уникальность письма, принадлежащего женщине, во многом обусловлена его эмоциональностью, по которой можно судить об отношении представителей различных групп населения к политическим событиям. В-третьих, очевидно, что для Екатерины Сергеевой морально-эмоциональная оценка происходящего превалировала над аналитической характеристикой процесса.

Однако природное любопытство и несомненная живость ума позволили ей представить объемную картину происходящего в письме родным и друзьям, рассказывая о событиях, непосредственным участником и свидетелем которых она не являлась. Екатерина с самого начала письма определила происходящее как нечто, что способно изменить и уже меняет ее повседневную жизнь, а не фон, на котором эта жизнь протекает.

Список литературы

1. Любимова С. Т. Октябрьская революция и положение женщин в СССР. М.: Знание, 1967. 32 с.
2. Подляцук П. И. Товарищ Инесса: документальная повесть. М.: Политиздат, 1963. 248 с.
3. Строкова И. Х. Женщины Самарской губернии в первой русской революции // Большевицские организации Поволжья в революции 1905–1907 гг. / под ред. В. А. Степанова и др. – Куйбышев: Куйбышев. гос. ун-т, 1977. – С. 85–94.
4. Еникеев Э. А. Большевики и учащая молодежь Казани. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990. 87 с.
5. Воронежцев А. В. Земская интеллигенция Саратовской губернии в годы первой русской революции // Четыре века: сб. ст. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1991. – С. 68–85.
6. Хасбулатова О. А., Гафизова Н. Б. Женское движение в России (вторая половина XIX – начало XX в.). Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. 256 с.
7. Будницкий О. Терроризм и террористы // Знание – сила. – 2005. – № 1. – С. 28–29.
8. Постернак А. В. Очерки по истории общин сестер милосердия. М.: Свято-Димитриев. уч-ще сестер милосердия, 2001. 252 с.
9. Гаврюшин С. И. Императрица Мария Федоровна и её деятельность по созданию системы благотворительных учреждений в России // Женщина в российском обществе. – 2002. – № 1.

10. Пушкарева И. М., Пушкарева Н. Л. Женское участие в политической жизни начала XX в. (советская и постсоветская историография) // *Женщина в российском обществе*. – 2017. – № 2 (83). – С. 15–34.

11. Бартанова А. А. Женщины Советской Бурят-Монголии: исторический очерк. – Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1952. – 120 с.

12. Батуев Б. В. Мария Михайловна Сахьянова: страницы политической биографии. – Улан-Удэ, 1992.

13. Курас Л. В. М. М. Сахьянова, Э.-Д. Ринчино и монгольская революция 1921 г. // *Власть*. – 2010. – № 6. – С. 150–152.

14. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. Р-1778. Е. А. Танская – заслуженный учитель РСФСР. Оп. 1. Д. 118.

15. Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. Дневники. Письма / сост. Н. И. Канищева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 1111 с.

16. Богданович А. В. Три последних самодержца. Дневник А. В. Богданович. М.-Л.: Л. Д. Френкель, 1924.

17. Колюшницына Н. В. Дневник К. И. Монкера – главного управляющего невской бумагопрядильной фабрикой в Санкт-Петербурге 1905–1917 гг. // *Вестник архивиста*. – 2016. – № 2. – С. 52–69.

18. Амфитеатров А. Лекция в Высшей Русской Школе общественных наук в Париже, прочитанная в пользу парижской кассы русских эмигрантов. Женева: Издание автора, 1905.

19. ГАРБ. Ф. Р-1774. Семья Танских – старожилы г. Верхнеудинска. Оп. 1. Д. 37.

"...don't believe the official reports, a solid lie, even undisguised": E. A. Sergeeva (Tanskaya) letter about the events of January 9, 1905 to Verkhneudinsk

Natalia E. Zhukova, Tatiana V. Palikova

The article presented to the reader's attention is devoted to the analysis of a letter by Ekaterina Alexandrovna Sergeeva (married Tanskaya), a student of higher women's (Bestuzhev) courses, about the events of the beginning of the first Russian revolution of 1905-1907. For Ekaterina, the shooting of the demonstration on the morning of January 9, 1905, like everything that happened after, was a great emotional shock, about which she wrote to her family and friends in her hometown of Verkhneudinsk. Catherine saw the purpose of writing the letter in order to give, in contrast to the official version, an accurate picture of the people's march to the tsar and the events following it. The authors considered that the letter needs verification and confirmation of the reflection of various moods, which is impossible without comparison with other sources of personal origin. As a conclusion, the authors note that Catherine's letter, as a historical source, has the following features: state-scale events are considered as a circumstance that penetrates into private life and can radically change it. This historical document is one of the few evidences of the beginning of revolutionary events, the addressee of which is a person who grew up

on the eastern outskirts of the empire, which gives the letter a certain originality. An important characteristic of the letter is its female authorship, which determines the emotionality and depth of the presentation and gives a minimal idea of the attitude of the population of the empire to the political processes of the early 20th century.

Key words: the history of everyday life, sources of personal origin, letters, diaries, St. Petersburg, Verkhneudinsk, Ekaterina Alexandrovna Sergeeva.

For citation: Zhukova, N. E., Palikova, T. V. (2023) «...ne ver'te ofitsial'nym soobshcheniyam sploshnaya lozh', dazhe neprikrytaya poluchshe»: pis'mo Ye. A. Sergeyevoy (Tanskoy) o sobytiyakh 9 yanvarya 1905 goda v g. Verkhneudinsk [... do not believe the official reports, it's a complete lie, even better undisguised': a letter from E. A. Sergeeva (Tanskaya) about the events of January 9, 1905 in the city of Verkhneudinsk]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 1. Pp. 26–39. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2023_1_26

References

1. Lyubimova S. T. (1967) *Oktyabr'skaya revolyuciya i polozhenie zhenshchin v SSSR* [The October Revolution and the status of women in the USSR]. M.: Znaniye. (In Russ.)
2. Podlyashchuk P. I. (1963) *Tovarishch Inessa: dokumental'naya povest'* [Comrade Inessa: documentary story]. M.: Politizdat. (In Russ.)
3. Strokova I. X. (1977) *Zhenshchiny Samarskoj gubernii v pervoj russkoj revolyucii // Bol'shevistskie organizacii Povolzh'ya v revolyucii 1905–1907 gg.* [Women of Samara province in the first Russian Revolution // Bolshevik organizations of the Volga region in the revolution of 1905–1907] / pod red. V. A. Stepanova i dr. Kujbyshev: Kujbyshev. gos. un-t. Pp. 85–94. (In Russ.)
4. Enikeev E. A. (1990) *Bol'sheviki i uchashchayasya molodezh' Kazani* [Bolsheviks and students of Kazan]. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta. (In Russ.)
5. Voronezhcev A. V. (1991) *Zemskaya intelligenciya Saratovskoj gubernii v gody pervoj russkoj revolyucii* [Zemstvo intelligentsia of Saratov province during the first Russian Revolution] // *CHetyre veka: sbornik statej* [Four Centuries: collection of articles]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta. Pp. 68–85. (In Russ.)
6. Hasbulatova O. A., Gafizova N. B. (2003) *Zhenskoe dvizhenie v Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)* [Women's movement in Russia (the second half of the XIX – the beginning of the XX century)]. Ivanovo: Ivan. gos. un-t. (In Russ.)
7. Budnickij O. (2005) *Terrorizm i terroristy* [Terrorism and terrorists] // *Znanie – sila* [Knowledge is power]. № 1. Pp. 28–29. (In Russ.)
8. Posternak A. V. (2001) *Ocherki po istorii obshchin sester miloserdija* [Essays on the history of the Sisters of Mercy communities]. M.: Svyato-Dimitriev. uch-shche sester miloserdija. (In Russ.)
9. Gavryushin S. I. (2002) *Organizacionnoe ustrojstvo i deyatel'nost' Vedomstva uchrezhdenij imperatricy Marii, 1797–1917 gg.: avtoref. ... kand. ist. nauk* [Organizational structure and activity of the Department of the institutions of Empress Maria, 1797–1917: abstract. ... candidate of Historical Sciences]. Moskva. (In Russ.)
10. Pushkareva I. M., Pushkareva N. L. (2017) *Zhenskoe uchastie v politicheskoj zhizni nachala XX v. (Sovetskaya i postsovetskaya istoriografiya)* [Women's participation in the political life of the early twentieth century. (Soviet and post-Soviet historiography)] // *Zhenshchina v rossijskom obshchestve* [Woman in Russian Society]. № 2 (83). Pp. 15–34. (In Russ.)
11. Bartanova A. A. (1952) *Zhenshchiny Sovetskoj Buryat-Mongolii. Istoričeskij ocherk* [Women of Soviet Buryat Mongolia. Historical essay]. Ulan-Ude: Burmangiz. (In Russ.)
12. Batuev B. B. (1992) *Mariya Mihajlovna Sah'yanova: stranicy politicheskoj biografii* [Maria Mikhailovna Sakhyanova: pages of political biography]. Ulan-Ude. (In Russ.)
13. Kuras L. V. (2010) *M. M. Sah'yanova i E.-D. Rinchino i Mongol'skaya revolyuciya 1921 g.* [M. M. Sakhyanova and E.-D. Rinchino and the Mongolian Revolution of 1921] // *Vlast'*. № 6. Pp. 150–152. (In Russ.)

14. Gosudarstvennyy arhiv Respubliki Buryatiya (GARB) [State Archive of the Republic of Buryatia]. F. R-1778 «E. A. Tanskaya zasluzhennyy uchitel' RSFSR». Op. 1. D. 118.

15. Kanishcheva N. I. (ed.) (2012) *Nasledie Ariadny Vladimirovny Tyrkovo: Dnevniky. Pis'ma* [The legacy of Ariadna Vladimirovna Tyrkova: Diaries. Letters]. Moskva: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN). (In Russ.)

16. Bogdanovich A. V. (1924) *Tri poslednih samodержca. Dnevnik A. V. Bogdanovich* [The last three autocrats. Diary of A. V. Bogdanovich]. Moskva.-Leningrad: L. D. Frenkel'. (In Russ.)

17. Kolyshnicyna N. V. (2016) *Dnevnik K. I. Monkera – glavnoupravlyayushchego nevskoj bumagopryadil'noj fabrikoy v Sankt-Peterburge 1905–1917 gg.* [Diary of K. I. Monker, the chief manager of the Nevsky paper spinning factory in St. Petersburg, 1905–1917] // *Vestnik arhivista* [Bulletin of the Archivist]. № 2. Pp. 52–69. (In Russ.)

18. Amfiteatrov A. (1905) *Lekciya v Vysshej Russkoj SHkole obshchestvennyh nauk v Parizhe, pročitannaya v pol'zu parizhskoj kassy russkih emigrantov* [Russian Russian Higher School of Social Sciences lecture in Paris, delivered in favor of the Paris cash Register of Russian emigrants]. Zheneva: Izdanie avtora. (In Russ.)

19. GARB. F. R-1774 «Sem'ya Tanskih – starozhily g. Verhneudinska». Op. 1. D. 37.

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution

50/50 %

Статья поступила в редакцию 28.07.2022

Одобрена после рецензирования 30.10.2022

Принята к публикации 19.11.2022